

КРОКОДИЛ

№ 29 ОКТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

К 556
15

—Что вы мне говорите о Конституции, когда у меня с'езд советов на носу!

Рис. Л. Бродаты

ПОКУПАТЕЛИ

ЗАЯВЛЯ МАГАЗИНУ ПРЕТЕНЗИЮ НА НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ КУПЛЕННОЙ ОБУВИ, ПРЕДЪЯВИТЕ ВМЕСТЕ С ОБУВЬЮ НАСТОЯЩИЙ КРАМ. МАГАЗИН ГАРАНТИРУЕТ СЛЕДУЮЩИЕ СРОКИ НОРМАЛЬН. ИСПЫТ.

	Испытательный срок для возврата обуви	Срок для возврата обуви при повреждении обуви
а) По первичному ремонту:		
За треснувший токар	70 дней	85 дней
и вырванный	30 "	60 "
и порванный (разрыв)	30 "	60 "
б) По вторичному ремонту:		
За вылезший обод	40 "	60 "
и порванный обод (разрыв)	30 "	40 "
в) По подкладке:		
В кожаной обуви	20 "	30 "
Текстильной обуви	15 "	20 "

Специальное Положение № 1088 ГАРС от 8.11.1933 г. ст. 19-20

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ ЛОГИКИ

ПОКУПАТЕЛИ

ЗАЯВЛЯ МАГАЗИНУ ПРЕТЕНЗИЮ НА НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ КУПЛЕННОЙ ОБУВИ, ПРЕДЪЯВИТЕ ВМЕСТЕ С ОБУВЬЮ НАСТОЯЩИЙ КРАМ. МАГАЗИН ГАРАНТИРУЕТ СЛЕДУЮЩИЕ СРОКИ НОРМАЛЬН. ИСПЫТ.

	Испытательный срок для возврата обуви	Срок для возврата обуви при повреждении обуви
а) По первичному ремонту:		
За треснувший токар	70 дней	85 дней
и вырванный	30 "	60 "
и порванный (разрыв)	30 "	60 "
б) По вторичному ремонту:		
За вылезший обод	40 "	60 "
и порванный обод (разрыв)	30 "	40 "
в) По подкладке:		
В кожаной обуви	20 "	30 "
Текстильной обуви	15 "	20 "

Специальное Положение № 1088 ГАРС от 8.11.1933 г. ст. 19-20

Нижеподписавшемуся вспоминается граммофон. Под красное дерево. С большой голубой трубой. Отец нижеподписавшегося приобрел это орудие музыкального наслаждения за восемьдесят рублей в рассрочку на два года. Весь нищий и шумный наш околодок собрался у нас на квартире и под ее окнами, чтобы выслушать небогатые остроты клоунов Бим-Вом, повздыхать под душераздирающие романсы Вальцевой и разойтись под разухабистую музыку марша лейбгвардии Преображенского полка. Нижеподписавшийся играл во время этих довоенных музыкальных фестивалей немалую роль. Он вертел ручку завода пружины. И по малолетству его раз случилось, что нижеподписавшийся переусердствовал и пружина с трагическим треском поломалась.

— Ради бога, — сказал хозяин музыкального магазина, когда к нему пришли насчет пружины, — ради бога никому не говорите. Мы вам сегодня же вечером пришлем механика и он бесплатно приладит вам новую.

После этого знаменательного дня прошло еще долгих восемь лет, пока в 1919 году граммофон был обменен на два пуда десять фунтов гнилой картошки. Пригородный кулачок вынес из нашей квартиры еще совершенно новенький граммофон. Голубая его труба грустно блестела под темным осенним небом, и в квартире стало тоскливо, как будто вынесли дорогого покойника.

Вторым механизированным предметом домашнего обихода была в нашей квартире швейная машина. Больше года ходил к нам испитой, чахоточный господин Рубинчик, агент акционерного общества Зингер.

— Поверьте мне, — говорил господин Рубинчик, — будь у меня чуть-чуть поменьше детей или чуть-чуть побольше денег, я сам с удовольствием завел бы у себя такую прелесть вещь. И при том, — добавлял он: — Такая рассрочка плюс, если вам вдруг не понравится, то мы в любой момент машину обменяем.

— Дорогой Рубинчик, — отвечала ему обычно мать нижеподписавшегося, — будь и у меня чуть-чуть поменьше детей или чуть-чуть побольше денег, я бы тоже с удовольствием взяла эту машину.

И вот в один прекрасный день к нашим дверям все же подехала подвода и под руководством Рубинчика торжественно внесли и поставили около сего обеденного стола блестящую никелем и полированным деревом швейную машину. Рубинчик был смущен и суматошно размахивал руками:

— Ничего, ничего, пусть она у вас постоит месяц. Если она вам не понравится или в ней, упаси боже, что-нибудь сломается, вы можете ее немедленно вернуть. Но я уверен, что вы этого не будете делать.

Машина была все же возвращена. Не потому, что она сломалась или вообще не годилась, а по причинам, уже приведенным выше. Но за промежуток времени, прошедший до того, как господин Рубинчик, сокрушенно вздыхая, помогал извозчику втаскивать машину на подводу, прошло около двух недель, в течение которых на ней успели пошить немалое количество штанишек и бельишка для многочисленных отпрысков родителей нижеподписавшегося.

Говорят, что за двадцать — двадцать пять лет, прошедших со времени завершения этой неудачной операции компании Зингер, капиталистическая торговая техника пошла еще дальше. Говорят, что сейчас, например, в Америке по-прежнему предлагают разные чудесные электрические холодильники, стиральные машины, пылесосы и тому подобные вещи, не освоенные еще до сих пор нашей ширпотребовской промышленностью. Их приносят на квартиру к потребителю и деликатно всучивают всячески сопротивляющемуся потребителю.

Тщетно потребители со слезами валяются в ногах беспощадных торговых агентов, те неумолимы. Они говорят: — Если вещь вам не понравится, вы можете ее возвратить обратно, и вы от этого нисколько не пострадаете. Попробуйте наши вещи.

И что же? Эта вещь остается у погребителя, и, как правило, ее обратно не возвращают, потому что она отменно действует, действительно экономна, действительно сберегает массу времени и расходов.

Мы только в смуглом, чрезвычайно густом тумане представляем себе неясные контуры аналогичных коммерческих агентов, предположим, Союзкожобувьсбыта. Мы, по совести говоря, даже и не настаиваем на том, чтобы представитель этой организации, как и многих десятков других сбытовых наших гигантов, врвался в нашу квартиру с предложением немедленно приобрести превосходную, чрезвычайно практичную пару обуви или, предположим, изящную, не громоздкую и экономическую электрическую печку. Мы знаем, что это было бы уже слишком.

Мы негордые и сами с удовольствием сходим в магазин. Мы на данной ступени развития, вернее, недоразвития торговой техники наркомвнутриторговых организаций, пойдем даже на то, чтобы потолкаться в небольшой очереди и без всякого навязывания со стороны продавца купить себе нужную вещь. Но, зараженные растлевающим веянием капиталистического Запада, мы, закупили предмет наших стремлений, хотели бы иметь хоть небольшую гарантию того, что деньги не выброшены на ветер.

И вот в отдельных случаях нашему покупателю идут навстречу и выдают красиво напечатанные в две краски гарантии. Совсем недавно один инженер за двести с лишним рублей купил пару черных туфель. Он приобрел их в самом роскошном магазине Союзкожобувьсбыта. Красные мраморные колонны подпирали высокие потолки этого храма кожевенно-обувной торговли. Продавцы вели с покупателями изысканные разговоры. Они запаковали туфли в коробку, а чтобы коробка не порвалась, упаси боже, при переноске, ее завернули в свою очередь в плотную фирменную бумагу и крепко завязали бичевкой. Этот изысканный пакет выдали покупателю одновременно с гарантийной запиской.

Покупатель в полном соответствии со своими первоначальными замыслами на другой же день надел туфли и пошел в них на работу. Через два дня подкрой подошвы отстал и печально свернулся как осенний лист. Тогда покупатель снял туфли и помчался в своих старых, истоптанных ботинках в колонный храм Союзкожобувьсбыта. Жрецы этого храма не отказались любезно осмотреть принесенные туфли и с сарказмом спросили:

— Это вы считаете браком? Да ведь подметка еще пока цела. А что края малость завернулись, так на это не стоит обращать внимания. Это сверху для красоты наклеена тонкая кожа.

— Но ведь это некрасиво, — пытался было возразить счастливый обладатель изящной фасонной обуви.

— Это уж как вам угодно. Старайтесь держать ноги так, чтобы подошва никому не была видна.

Гарантийная квитанция не помогла. И пока ее обладатель ходит по разным инстанциям, пытаясь добиться элементарной справедливости, мы позволим себе заглянуть в утвержденную 8 августа прошлого года Наркомвнутриторгом инструкцию о порядке обмена обуви.

Итак, гражданину, затратившему свыше двухсот рублей на покупку пары туфель, теоретически представляется возможным в случае порчи их в течение сорокадневного срока со дня покупки, обменять их на другую пару. Это означает, что если подошва туфель порвется на сорок первый день

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

Английский танец среди мечей.

Рис. Л. Бродаты

после носки, то Союзкожобувьсбыт с благословения Наркомвнурга спокойно умывает свои руки. Нам хотелось бы посмотреть, как выглядела бы фирма, все равно какая: американская ли, французская ли или английская,—которая производит обувь с гарантией на сорок дней. Не надо быть пророком, чтобы утверждать, что такая фирма не просуществовала бы и полугодом и с треском лопнула бы. И это было бы совершенно справедливым возмездием, ибо давать гарантию только на сорок дней — это значит расписываться заранее в полной недоброкачественности проданного фабриката.

Что же касается тканей, то на этом участке Наркомвнурга готовит советскому покупателю неслыханный по своей щедрости подарок. Еще в июне закончила работать комиссия, устанавливающая гарантийные сроки и порядок обмена изделий из тканей. Наркомом эта инструкция еще не утверждена. Комиссия собирается делать далеко идущие жертвы. Еще неизвестно, согласится ли нарком на такие огромные сроки, но комиссия считает необходимым устано-

вить целых семь дней, в течение которых маркая или рвущаяся от малейшего прикосновения ткань может быть обменена.

И вот мы, люди, не чуткие и черствые в своих требованиях, не можем удовлетвориться этими жертвами со стороны Наркомвнурга. Нам хочется, чтобы этот достойный всяческого уважения наркомат копировал не только удобные и красивые прилавки, которыми изобилуют капиталистические магазины, но и перенял еще кое-что из заграничного торгового опыта. Нам хочется, чтобы работники торговых организаций привозили из своих заграничных командировок не только образцы прилавков, но и гарантийных сроков и гарантийных квитанций, выдаваемых за границей самой заурядной торговой фирмой. Об этом говорит элементарная советская логика. Об этом говорят и в очередях, вытягивающихся у изысканных прилавков различных магазинов ведомства Наркомнурга.

Л. ЛАГИН

В ТРАМВАЕ

Давеча еду в трамвае. И стою, конечно, на площадке, поскольку я не любитель внутри ехать.

Стою на площадке и люблюсь окружающей панорамой.

А едем через Троицкий мост. И очень вокруг поразительно красиво. Петропавловская крепость с золотым шпилем. Нева со своим державным течением. Тут же солнце закатывается. Одним словом, очень, как говорится, божеественно.

И вот стою на площадке, и душа у меня очень восторженно воспринимает каждую краску, каждый шорох и каждый отдельный момент.

Разные возвышенные мысли приходят. Разные гуманные фразы теснятся в голове. Разные стихотворения на ум приходят. Из Пушкина что-то такое выплывает в память: «Тяга, тяга, наши сети притащили мертвеца...»

И вдруг кондукторша разбивает мое возвышенное настроение, поскольку она начинает спорить с одним пассажиром.

И тут я, как говорится, с высоты заоблачных вершин спускаюсь в надземный мир с его узкими интересами и мелкими страстями.

Молодая, интересная собой кондукторша ядовито говорит пассажиру:

— Что ж вы думаете: я даром вас повезу? Платите, короче говоря, деньги или сойдите с моего вагона.

И слова, которые она произносит, относятся к скромно одетому человеку. И стоит этот человек со своим постылым лицом и, одним словом, не платит за проезд. Он отвивает платить. И то роется в карманах и ничего там не находит, то говорит уклончиво:

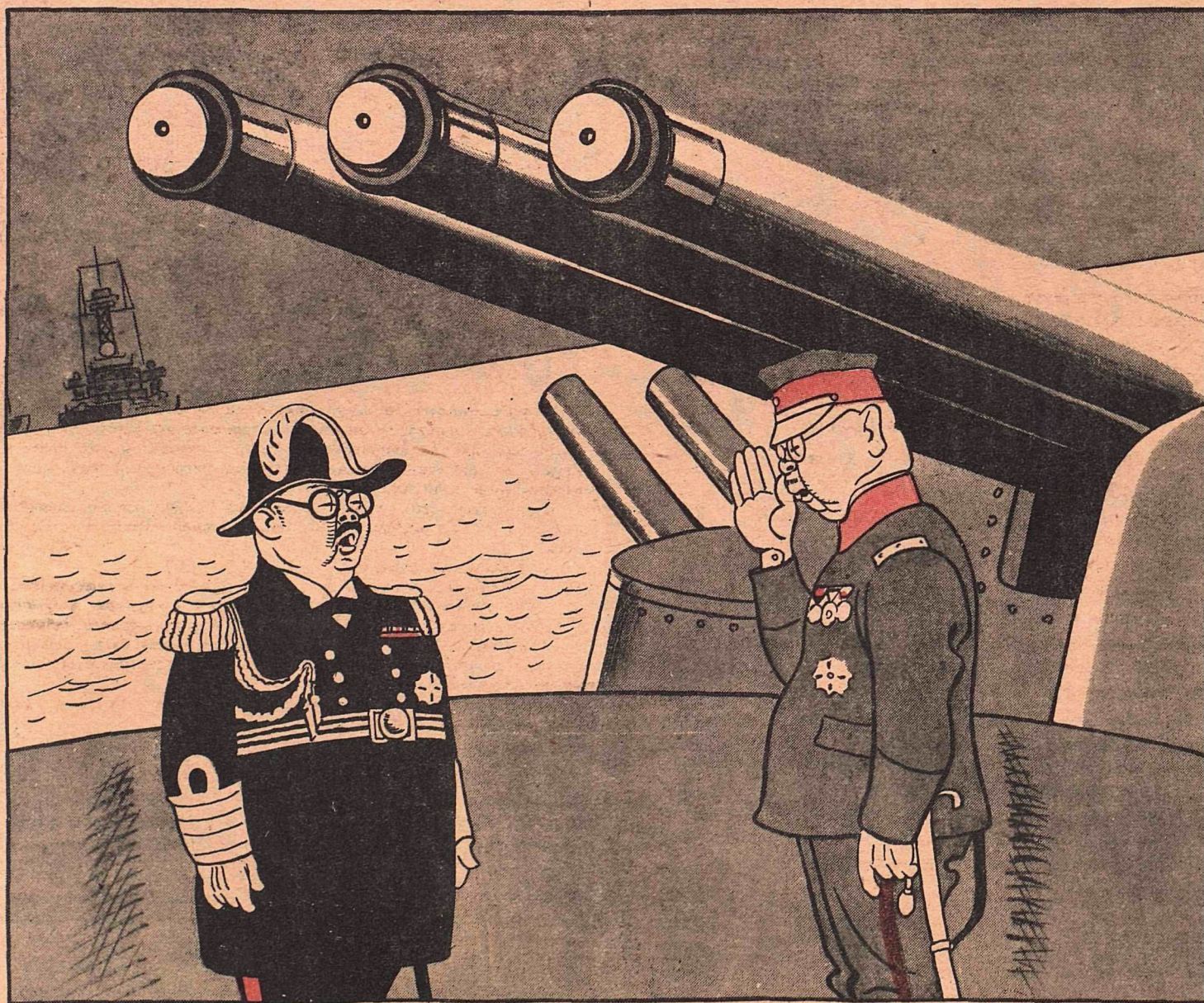
— Такая славненькая кондукторша, и такие хорошенькие у нее губки, и так она сильно ерепенится и этим портит свою наружность... Ну нет у меня денег... Сейчас сойду, только одну остановку проеду...

— То есть никакой остановки я тебе даром не дам проехать, — говорит кондукторша. — А если у тебя денег нет, так зачем же ты, нахал, в трамвай вперся? Вот чего я никак не пойму.

Пассажир говорит:

— Тоже пешком идти, — может быть, у меня пузыри на ногах? Какие не чувствительные люди в настоящее вре-

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 36.

— Пушки готовы, десант готов. Озаботьтесь срочным приготовлением инцидента.

мя. Совершенно не входят в положение человека. Только за все — деньги и деньги.

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Мне становится жалко человека, у которого нет даже нескольких грошей на проезд в трамвае.

Я вынимаю деньги и говорю кондукторше:

— Примите за того, который с постным лицом. Я заплачу за него.

Кондукторша говорит:

— Никакой уплаты со стороны я не разрешаю.

— То есть, говорю, как же вы можете не разрешить? Вот тебе здравствуйте!

— А так, говорит, — и не разрешу. И если у него нету денег, то и пушай он пешком шкандыбают. А на своем участке работы я не дозволю поощрять то, с чем мы боремся.

— Позвольте, говорю, это негуманно. К человеку надо гуманно относиться, когда ему плохо, а не наоборот. И добавок это, может быть, мой родственник и я его желаю поддерживать на основе родственных чувств.

— А вот я вашего родственника сейчас отправлю в одно местечко, — говорит кондукторша и, свесившись с трамвая, начинает трещать в свой свисток.

Пассажир с постным лицом говорит вздохнувши:

— Какая попалась на этот раз ядовитая бабенка. А ну, брось свистеть и поезжай дальше: я сейчас заплачу.

Он вынимает из кармана три червонца и со вздохом говорит:

— Крупная купюра, и через это в трамвае мне ее не хотелось зря менять. Но поскольку эта особа с ума сходит и не позволяет пассажирам производить поддержку, то вот примите, если, конечно, найдется, сдача, что вряд ли.

Кондукторша говорит:

— Чего вы суете мне в нос такие крупные деньги? У меня нету сдачи. Нет ли у кого разменять?

Я было хотел разменять, но, увидя суровый взгляд пассажира, отложил свои намерения.

— Вот то-то и оно, — сказал пассажир. — Через это я и не давал купюру, поскольку знаю, что это безрезультатно и в трамвае не могут ее разменять.

— Какая канитель с этим человеком, — говорит кондукторша. — Тогда я трамвай сейчас остановлю и его к чорту ссажу. Он мне тормозит мою работу.

И она берет за звонок и хочет звонить.

Пассажир, вздохнувши, говорит:

— Эта кондукторша — что-нибудь особенное. То есть я в первый раз вижу такое поведение. А ну, погоди звонить: я сейчас заплачу.

Он роется в кармане и достает двугривенный.

Кондукторша говорит:

— Что ж ты, дармоед, раньше-то не давал? Небось, хотел на пушку проехать.

Пассажир говорит:

— Всем давать — потрохов не хватит. Прими деньги и заткни фронтан своего красноречия... Через такие мелочи трещит своим языком в течение часа. Прямо надоело.

— И хотя это мелочи, — сказала кондукторша, обращаясь к публике, — но они затрудняют плавный ход движения государственного аппарата. И я через это пропустила целую массу безбилетных пассажиров.

Через две остановки злополучный пассажир со своей мелкой, склочной душой сошел с трамвая.

И тогда кондукторша сказала:

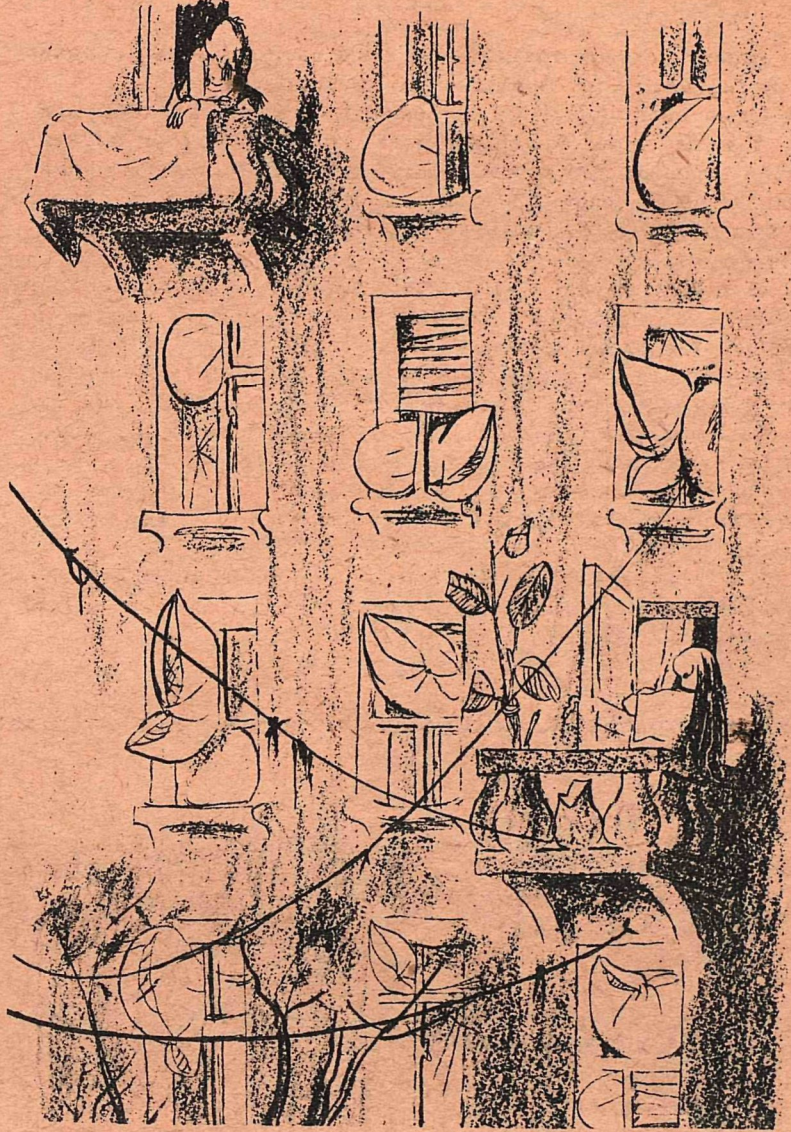
— Какие бывают отпетые подлецы!

Потом мы снова вехали на какой-то мост, и я снова увлекся картинами природы, позабыв о мелочах, связанных с движением транспорта.

Мих. ЗОЦЕНКО

ГРУСТНАЯ КАРТИНА

Рис. Л. Сойфертиса

В ожидании неуловимого стекольщика.

КОМУ НА КИНО ЖИТЬ ХОРОШО

В своих кратких высказываниях о кинофильме «Дети капитана Гранта» главный оператор этой картины, заслуженный артист А. Кольцатый, перечислил ряд человеческих качеств, «которые имеют цену в нашей великой и необъятной стране и которые творческий коллектив пытался подчеркнуть в этой картине».

Перечисляя эти качества, товарищ Кольцатый не случайно забыл упомянуть об одном, очень ценном в нашей стране качестве — скромности.

А. Кольцатый пишет:

«Хорошо было Жюль Верну. Он легко путешествовал со своими героями из Глазго в Патагонию, Австралию и Новую Зеландию, сидя в кресле своего покойного парижского кабинета».

Неправда, товарищ Кольцатый! Жюль Верну было хорошо потому, что он был очень талантливым, очень добросовестным и очень скромным и неглупый человек.

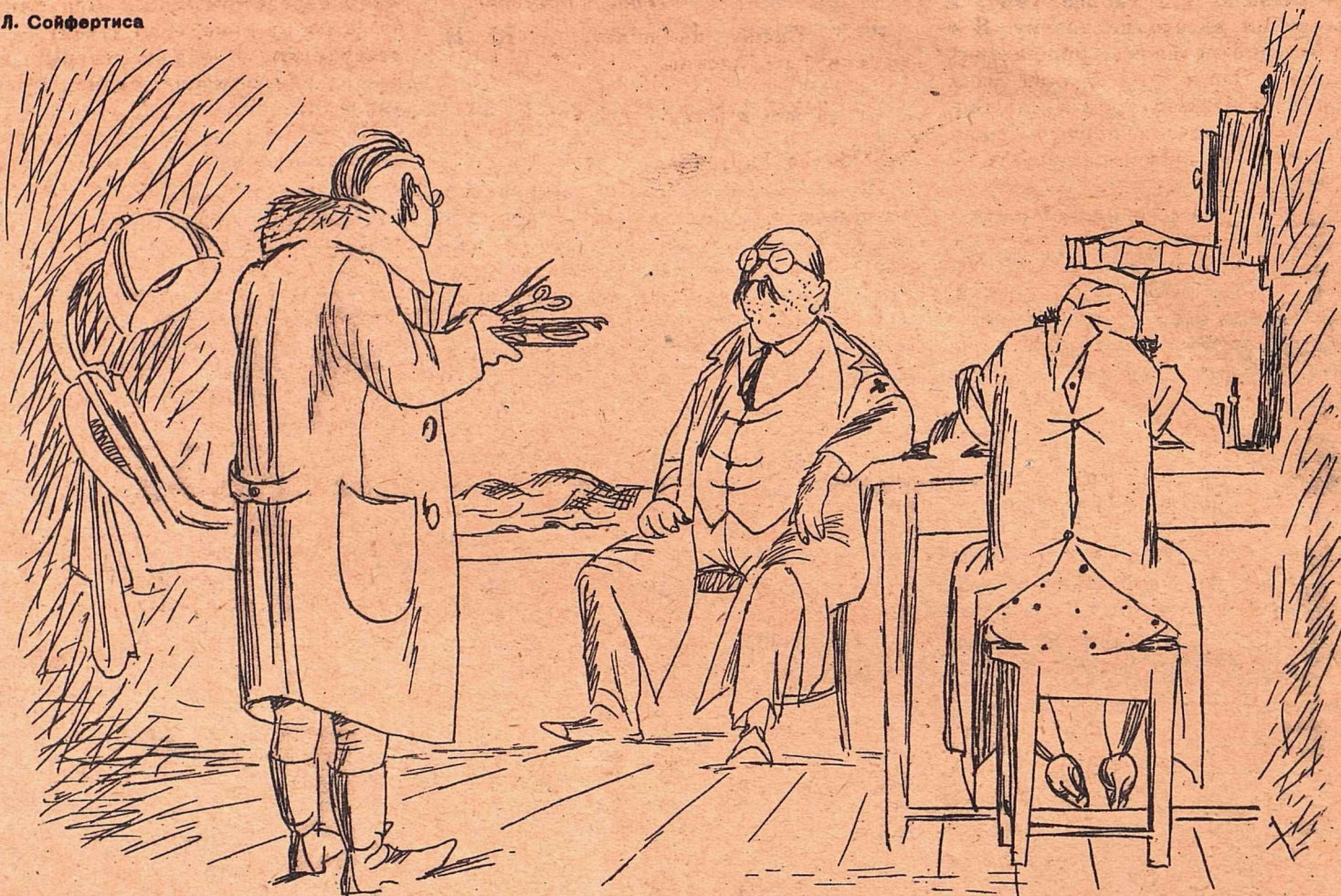
Учтите это, пожалуйста, как в вашей работе, так и в ваших дальнейших высказываниях.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Никто из сотрудников Крокодила, к сожалению, не побывал на южном полюсе и вообще в Антарктике. Поэтому мы целиком уповаем на науку и, в частности, на журнал «Вестник знания», который мы чтим и читаем. И вот, жадно глотая страницы № 5 этого журнала, и, в частности, статью «Экспедиция генерала Берда в Антарктику», мы остановились, изумленные удивительным феноменом. Мы увидели фотографию, на которой явственно вырисовались птицы, до боли напоминающие пингвинов. Ну просто вылитые пингвины! Между тем подпись под фотографией гласила: «Плененные пеликаны».

Далекое от мысли, чтобы заподозрить безграмотность или вопиющую небрежность со стороны уважаемой редакции «Вестника знания», мы с нетерпением ждем в одном из следующих номеров этого журнала подробную статью «Жизнь пеликанов в Антарктике». А если, по сведениям «Вестника знания», там проживают также попугаи, то и о них.

Рис. Л. Сойфертиса

— Я слышал, доктор, у вас слабо насчет инструментов. Так я уж к вам со своими пинцетами-ланцетами...

ВЫКЛЮЧЕННЫЕ

ТРАГИКОМЕДИЯ В ТРЕХ ПИСЬМАХ И ОДНОЙ ТЕЛЕГРАММЕ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милая Гортензия!

Ради бога прости, что я тебе давно не писала. Дело в том, что я была ужасно занята: включалась в движение жен. Включилась ли ты? Если еще не включилась, то советую скорей включиться, потому что сейчас неудобно оставаться невключенной.

В связи со включением у меня была масса дел: надо было сшить себе строгое вечернее платье (из черного бархата с белым кружевным воротником) и еще одно, нарядное, для поездки в Москву и на случай, если дадут орден. Представляешь, сколько хлопот у меня было. В нашей богоданной дыре есть только одна приличная портниха, да и то от нее буквально ни на шаг нельзя отойти, чтобы что-нибудь получилось. Отойдешь — ничего такого не получится. И потом у нее ужасные очереди. Впрочем, я как жена директора включилась без очереди. Теперь бегаю к портнихе три раза в день: после чая, перед обедом и после ужина. Ужас, сколько денег и времени отнимают эти общественные дела!

Попутно с возней у портнихи я раз-

работала программу нашей будущей общественной деятельности. Во-первых, мы будем под выходные собираться у меня пить чай, а во-вторых, я буду учить наших стахановцев игре на цитре. Ведь я когда-то неплохо играла на цитре, помнишь? Мой Кикс меня во всем поддерживает, только почему-то тяжело вздыхает, когда я завожу с ним разговоры на общественные темы. Устал, наверное, бедняжка!

У нас на заводе многие уже включились в движение. Наши дамы ко мне относятся с должной почтительностью как к своей будущей председательнице. Только жена механика Власова (простенькая, но фигура ничего, на 3 с плюсом) дерет нос. Она что-то делает в общезаводском свинарнике и разыгрывает из себя на этом основании страшно деловую особу. Со мной едва здоровается. Такая дрянь! Ну ничего, вот выберут меня председателем, я ее живо приберу к рукам. Она у меня по струнке будет ходить, вроде моего Кикса. Я ведь строгая.

Ну пока, мой любимый цветочек. Бегу к портнихе. Целую.

Твоя Нелли.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Дорогая моя Нелли!

Была безумно рада получить от тебя письмо. Бедняжка, мне тебя безумно жаль: ты совсем захлопоталась с этим включением. Нельзя же так увлекаться общественной работой, береги себя. Я тоже уже включилась, у нас это сделать легче потому, что меня по знакомству обшивает жена младшего бухгалтера. Очень недурно шьет и берет сравнительно недорого. Я уже сделала себе три платья: одно простенькое шерстяное и два безумно нарядных из крепжоржета.

Какой это будет восторг и упоение, когда мы встретимся с тобой в Москве на конференции. Я уже написала Юрию Николаевичу (помнишь его по Харькову? Такой интересный брюнет, с машиной?), что скоро приеду. Он теперь меня засыпает спешными письмами до востребования.

Наша директорша не хуже твоей Власовой — безумная фантазерка. Взяла и организовала школу для малограмотных жен рабочих. Все мы должны преподавать. Но пока я возилась с портнихой, наши острые дамочки нале-

тели и разобрали самые лучшие предметы, и мне досталась... арифметика! Тогда я сказала, что скорее умру, а арифметику ни за что не возьму. Я с детства безумно ее боюсь, арифметику эту поганую. Тогда директорша меня пожалела и по благу устроила мне географию. Я уже давала первый урок. Одеда свое шерстяное простенькое и пошла себе.

Начала им объяснять про Скандинавский полуостров, потому что он на карте самый верхний и расположен слева — с него удобно начинать объяснения. Показала им все моря и страны, которые там понаписаны. Все обошлось хорошо, только я немножко перепугала ихние столицы. Стокгольм отдала норвегам, а Осло — шведам. На следующем уроке дам опровержение. Муж в восторге от моих успехов, но почему-то смеется, когда я рассказываю ему о географии.

Скоро ли у вас будут выбирать на конференцию в Москву? Наша директорша говорит, что скоро. Я уверена, что меня выберут. Если бы ты знала, как я хочу с тобой встретиться в Москве!

Целую мою дорогую девочку. Привет Киксу.

Твоя Гортензия.

Р. С. Спешу на почту, от Ю. Н. должно быть письмо.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милая Гортензия!

Не знаю, как ты, но я глубоко разочарована в общественной работе. Как ни трудись, — все равно люди не оценят твоего энтузиазма. Представь себе, меня не выбрали председательницей жен на нашем заводе! Выбрали эту самую дрянь — Власову, которая всем и всюду тыкала своих поросят. Был ужасный скандал, когда меня не выбрали. Я плакала на собрании и дома, заставляла Кикса всюду ходить и говорить, что он не станет работать с посторонними председателями. Ничего не помогло. Наши дамочки, как белены обелись. Эта дрянь Власова всех их прямо околдовала. Оказывается, она за это время еще какие-то цветники на заводском дворе разбила. Подумаешь, тоже! Я бы, если бы захотела, тоже могла разбить. А про меня сказали, что

меня еще нужно долго перевоспитывать. Представляешь, какое нахальство! Меня перевоспитывать! Жену директора! Да я их сама, если захочу, могу перевоспитать. В общем теперь я в Москву не еду на конференцию, а едет эта дрянь Власова.

После всей этой истории у меня расстроились нервы, я нажала на Кикса, и он достал мне путевку в Ривьеру. На днях уезжаю туда отдыхать. Уже сделала себе пляжную пижаму и крепжоржетовый сарафанчик. А ты, счастливица, в это время будешь в Москве на конференции! Может быть даже в президиум сядешь! Юрия Николаевича я, конечно, помню. Очень интересный, с «фордом» марки 35 года. Кланяйся ему. Целую, пиши в Ривьеру.

Твоя Нелли.

ТЕЛЕГРАММА

Тоже не выбрали. География очень трудная. Плюнула. Нажимаю мужа путевку. Надеюсь встретиться в Ривьере. Целую.

Гортензия.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НАУКА И ТЕХНИКА

ПРОЕКТЫ, ИЗОБРЕТЕНИЯ И

Отдел ведет засл. деят.

НАУЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

ИАФ-142

За последнее время на рынке стали, к сожалению, появляться бракованные предметы. Объяснительная кампания несколько уменьшила количество брака, но еще не окончательно ликвидировала его.

И часто население, купивши ту или иную бракованную вещь, теряет и, буквально не зная, что с ней делать, выбрасывает ее, не стараясь найти какое-нибудь иное практическое применение.

Нередко случается, что на рынке продается кривая, кособокая посуда, которую ставить на стол затруднительно.

Ну что, например, делать населению с графином, который косо стоит, и уровень воды или другой жидкой влаги в нем неправильно расположен?

Да, мы понимаем, теория относительности и так далее, но все-таки, как говорится, это снижает художественные запросы населения и вдобавок морально подрывает силы потребителя, поскольку тот, взирая на этот кособокий

уровень, может подумать, что все время опьянение не проходит.

Что же делать с таким графином? Неужели же его выбрасывать? Неужели же покупать новый графин, тратя на него, как говорится, последнее сбережение?

Нет, такой графин можно с успехом использовать, повысив даже этим художественное значение своей квартиры.

Его можно использовать как дивный кронштейн для детской комнаты. Как-нибудь можно ввернуть в него лампочку и повесить все это на особый стержень. Причем можно налить туда воды и напустить золотых рыбок.

Световой аппарат этот назван нами ИАФ-142 в честь изобретателя — коменданта нашего журнала Ивана Афанасьевича Фролова.

АППАРАТ „БУМВЫХОД“

Большим злом нашей жизни является недоброкачественная бумага.

И, садясь писать, пишущий никогда не знает, какие явления могут возникнуть по мере появления слов на бумаге.

Иной раз перо зацепляется, и тем самым обнаруживается неровность поверхности вышеуказанной продукции. Иной раз наоборот. Перо не зацепляется, а, напротив того, входит в слабую поверхность и тем самым тормозит процесс написания.

Но наипаче всего чернила на листе расплываются — и даже, как говорится, научный секретарь Академии художеств не в состоянии разобрать написанное.

Вдобавок промокашка, приложенная к написанному, довершает картину разрушения. Нередко промокашка играет обратную роль

своего назначения. Бумага, так сказать, впитывает, а та — наоборот.

Как же избежать этого явления? Неужели же перестать писать и забросить тем самым начатки своего образования? Неужели же бумажную фабрику специально перестраивать, чтоб удовлетворить капризы населения?

Нами тут обдуман специальный аппарат, дающий, так сказать, выход из трудного положения.

Нами использован принцип своеобразного качества бумаги и промокашки.

Сначала пишущий записывает свои мысли или там свою жалобу на пресс-папье. Потом это пресс-папье прикладывается к бумаге, и та, как говорится, свободно впитывает в себя то, чего написано.

Но поскольку отпечаток получается в обратном начертании, то нами придумано специальное зеркальце, которое и позволяет заняться дальнейшим процессом чтения, наблюдая, вдобавок, за выражением своего лица.

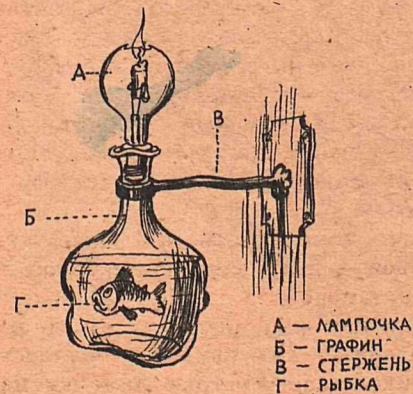

Рис. 1.

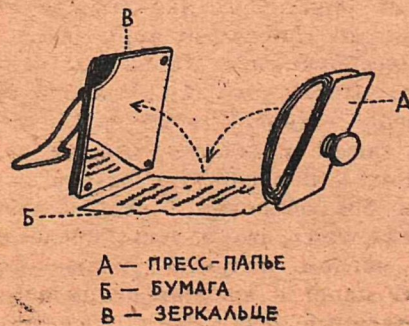

Рис. 1.

ФОТО-АТЕЛЬЕ

„самолюбие“

Рис. К. Ротова

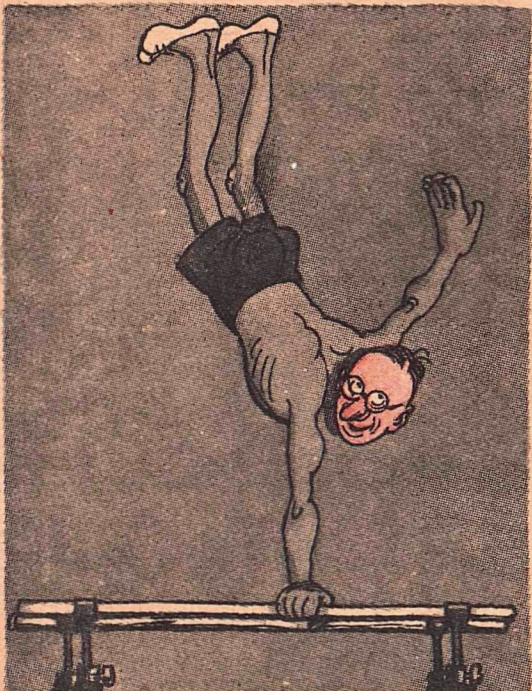
Текст засл. деят. М. М. Конопляникова-Зуева

Любовь к штампу и готовым образцам привела современную коммерческую фотографию к обеднению форм. Фотографы попрежнему, по дедушкиным заветам, снимают современных клиентов в задумчивой дворянской позе в каком-нибудь мягком кресле и с книжкой в руках. Вдобавок берут дурацкий фон — что-то вроде рыцарского замка с разными аллеями и клумбами.

В лучшем случае уличный фотограф предложит вам сняться в автомобиле или аэроплане. Но все это мало, бедно и недостаточно.

В прошлом номере нашего журнала мы сделали ряд указаний фотографам, как приблизиться к современности. И это нашло горячий отклик в сердцах снимаемых.

Ныне мы предлагаем новые варианты.

Весьма фальшиво получается, когда современный молодой человек снят в задумчивой и грустной позе. Движение, динамика, порыв — вот современные мотивы для вдумчивого фотографа-художника. Отлично можно использовать для своих целей гимнастические снаряды, в частности, например, брусья. Фотография получается вполне современная, не лишенная некоторого шика.

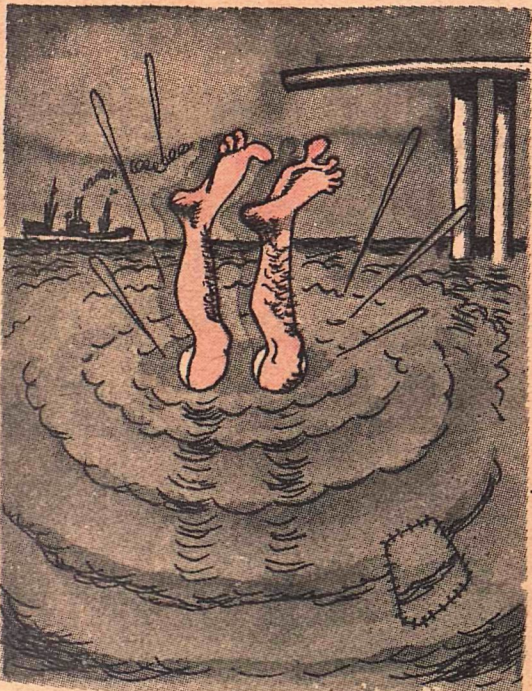
Но брусья до некоторой степени сухо представляют снимаемого. Тут не раскрыт характер и не показаны душевные возможности, как-то: мужество, храбрость и настойчивость.

Вышеуказанная фотография удовлетворяет подобного сорта запросы! Снимаемый ложится за декорацией на землю и лежит в обыкновенной позе, просунув голову в указанную дыру...

Но такие футбольные снимки хорошо дарить девушкам до 19 лет. Более возмужалые люди могут иронически отнестись к подобной позе.

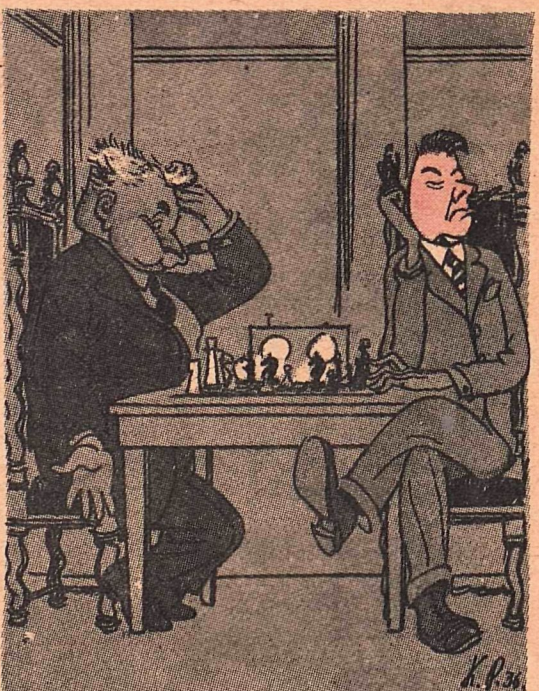
Им хочется взглянуть на физиономию своего знакомого в более рискованной современной обстановке. Восхождение на горы и занятие пиков является характерным моментом наших дней.

Интересная фотография может также получиться для любителей водного транспорта. Бесцельное снятие на берегу моря не удовлетворяет уже современный ум. Иное дело, когда клиент снимается в энергичной позе ныряльщика. Конечно, эту фотографию могут узнавать по ногам только близкие родственники, но это уже общий недостаток для всех клиентов, лицо которых скрыто под водой.

Что касается прошлого, то многие, как известно, любят иной раз вспомнить какой-нибудь героический эпизод из своей жизни. Но одно дело — сказать об этом и другое дело — показать фотографию. Огромный спрос на такие снимки можно удовлетворить с помощью подобной декорации. Жандарм и нандалы дают большой простор для героических воспоминаний любому гражданину с небогатой биографией.

Но что говорить о прошлом! Каждому интересно показаться в современной обстановке. Фотограф может использовать и такую декорацию для своих целей. Тут мы показываем эффектный момент: Игра с Ласкером. Фото запечатлевает момент, когда снимаемый кушает у эксчемпиона мира Ласкера ферзя. И тот неприятно этим поражен: Снимок этот может удовлетворить запросы весьма честолюбивой души.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ДЕЖУРНОЕ БЛЮДО

К стеклянному буфету, на котором хлебным мякишем было приклеено сегодняшнее меню, тянулась довольно длинная очередь. Задние кричали:

— Вася! Ты читай громче все блюда по именам, а мы тут обсудим, пока до кассы дотянемся.

— Ладно. «Щи крестьянские».

— С мясом или без мяса?

— Без мяса, — сказала кассирша. — Да они уже кончились.

— Так точно! — громко согласился Вася. — Вычеркнуто.

— Вали дальше!

— «Борщ украинский...»

— Чудно! — прищелкнул кто-то сзади языком. — Я люблю украинский. Особенно с помидорами.

— Вычеркнуто! — объявил Вася. — Идем дальше: «Котлеты пожарские...»

— Доведется сразу на второе... Барышня! А что в этих котлетах минин и пожарских хлеба много?

— Я не знаю, граждане, — сказала кассирша, — но только...

— Зачеркнуто! — объявил Вася. — Идем дальше: «Свиные отбивные...»

— У, вот это да... Дорого, Вася?

— Два рубля семнадцать копеек... — сказал Вася.

— Ну, что ж! Если с картошечкой, так...

— Зачеркнуто! — воскликнул Вася.

— Граждане, — сказала кассирша, — возьмите что-нибудь с буфета.

— Умная какая, что нам в сухоматку есть... Читай, Вася!

— «Кисель клюквен...»

Из кухни высунулась голова повара в грязноватом колпаке:

— Маруся! Кисель вычеркни. Кончился.

— Обождите, граждане, — кассирша потянулась к меню с карандашом. Меню стало совсем похоже на потную бумагу.

— Читай, Вася, дальше.

— Дальше?

— Не вычеркнутое что есть еще? — тревожно спросил кто-то.

— Есть... «Заведующий образованной столовой Мухомов».

И вся очередь дружно закричала:

— Вычеркни его! Какой он заведующий?!..

Вася помусолил карандаш и вычеркнул.

ПЕРЕСТРАХОВЩИК

Некто, ответственный товарищ Затылкин, махал руками и качал головой.

— Сержик! Но отчего же не дать? — сказала жена Затылкина. — Ведь няня у нас честно прослужила пять лет, и увольняем мы ее только потому, что Костя уже вырос.

— Барин... — начала было нянька, стоявшая в дверях.

— Барин?! — вскочил Затылкин. — Форточки открыты, а она «ба-арин»! Никаких рекомендаций я давать не буду! Теперь, знаете, рекомендует человека, а он чорт знает кем окажется. Нет, нет, нет!..

— Сержик! — вступилась жена, подсовывая Затылкину газету. — Во всех же объявлениях указано, что ищу няню «с рек.» Видишь «с рек.» Значит, с рекомендацией. За что ж мы няню обидим, не дав ей рекомендацию... И написала я о ней правду, что она любит детей, что она честная.

— Бар... Сергей Иванович! Заставьте бога молить... — захныкала нянька.

Затылкин несмело взял листок бумаги, прочитал заголовок «Рекомендация», замурчался и забормотал:

— Слуга покорный!.. Нет, не могу! Худовенко клянет себя за то, что давал рекомендацию. Толстиков клянет...

— Да ведь они не няня, наверное, рекомендовали, Сержик?

— Конечно, не няня, но... Но теперь надо быть вообще осторожным... Няня не няня, а вообще нечего теперь ни с кем нянчиться. О себе подумай. Вот пишешь, что она непьющая, а она вдруг надерется да и брякнет что-нибудь такое...

— Барин, Сергей Иванович, — схватилась за щеку нянька. — Мне уж седьмой десяток пошел, век вина этого не пила...

— Да, да, я знаю... Но... Ну, хорошо... Нечего здесь няни, то есть, чорт подери, няни распускать.

— Подпишешь, Сержик?

— Замени слово «Рекомендация» «Справкой», вычеркни фамилию мою, поставь только номер телефона и впиши, что означенная няня вела себя выдержанно в течение такого, такого-то времени... А за будущее, дескать, не ручаюсь, не ручаюсь, не ручаюсь... Да, да, да... А-то рекомендация... С ума сошли?!

РАВНОВЕСИЕ

Самым добродушным человеком на фабрике был браковщик. Даже увидев явный брак, говорил с добродушной усмешкой:

— Что ж ты, милый человек, это ж не годится. Портишь все.

— Бывает, Иван Анкудиныч!.. С кем не бывает, — отвечал браковщик. — Ну, как детки у тебя?

— Ничего. Спасибо. Ну смотри, в последний раз пропускаю...

Когда браковщику говорили о его добродушии, он отвечал:

— Ничего. У нас равновесие ненарушенное. За меня зато покупатели стараются.

И действительно, в магазинах можно было слышать слова настоящего браковщика:

— Что это за безобразие?! — возмущались покупатели. — Такую дрянь выпускаете?! Да разве это можно?

И вдвойне старались за браковщика.

ПОСТРАДАВШИЙ

Фотограф усаживал впереди бурого моря мамашу с семью детьми. Готовясь получить пособие, мамаша решила снять сперва на память. Отца не было. Он, как капитан дальнего плавания, находился в долговременной командировке. Усадив ребят, фотограф погладил самого маленького по голове и сказал с завистью мамаше:

— Счастливая вы какая... Значит конвертик с тысячами получите?

— Я о конвертах этих не думала, когда их рожала. Теперь-то нам, конечно, все завидуют.

— Нет уж вы счастливица. Деточка, поверни немножко головку...

— А чего тут счастливого? Имейте вы семь и такой же конверт заполучите.

— Фотограф взмахнул траурным лоскутом и сказал мрачно:

— Имею. Как раз имею. И никаких конвертов. Одни неприятности.

— Не может быть, — сказала мамаша и поправила складки платя.

— Может быть. Очень может даже быть. Имею я семь, но врозь. Со мною четверо и у первой жены трое. И каждый месяц им конверты пишу. Представляете мое горе-злосчастье. А вы говорите — не может быть... Деточки, смотрите сюда, сейчас птичка вылетит...

И все с той же мрачностью нажал резиновую грушу.

В. ТОБОЛЯКОВ

«МЦЫРИ»

У нас в плановом отделе работает Паша Сандалов. Смешной человек, доложу я вам!

И не потому он смешон, что у него галстук набоку, или зачес на голове какой-нибудь особенный, или зуб со свистом.

С фасада, с парадной стороны, у парня никаких дефектов на сегодняшний день не наблюдается. И лицо у него бритое, без прыщей, и глаза без излишнего нахальства, и воротничок почти чистый, и запонки подходящие — семь с половиной пара.

А смешон Паша Сандалов потому, что он, несмотря на свои молодые годы, не особенно созвучен нашей эпохе.

В то время когда мы совершаем культпоходы и критически осваиваем литературное наследие прошлого, Паша стоит в стороне от этого массового движения.

И вот однажды он заболел. Болезнь не опасная, но канигельная. Он во время танцев уронил на пол даму и вывихнул себе правую ногу. Можно сказать, пострадал на посту.

Лежит Паша Сандалов в больнице и скучает. Он уже досконально изучил весь потолок, всю люстру. Он уже знает наизусть, сколько кусков обоев пошло на каждую стену в его палате. Вообще он обогатил себя кое-какими новыми познаниями.

Но все же долгое время лежать на одном месте без движения тоскливо. Паша стал ныть, ворчать и отзываться неодобрительно о своей роковой судьбе.

Видя страдания молодого Сандалова, дежурная сестра принесла ему книжечку. Это была поэма «Мцыри», сочинение Лермонтова.

Три дня крепился стойкий Паша и не раскрывал книжицы. На четвертый день он чего-то так заскучал, что прямо места себе не находил.

И вот Паша, зевая, развернул книжицу, сочинение покойного поэта Лермонтова, и словно горькую микстуру стал морщась, проглатывать строчку за строчкой.

Дальше в лес — больше дров. Чем больше Паша читал «Мцыри», тем больше пленила его обаятельная музыка стиха, тем более волновала его печальная судьба молодого отшельника:

«Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне...»

Эти строки более всего припали Паше по душе. Тут он чувствовал как бы далекий отзвук своим настроениям.

Вскоре больной окончательно поправился. Он вышел из

больницы, унеся в своей неизлишне загруженной памяти несколько цитат из «Мцыри».

И вновь, как прежде, ходит Павел Сандалов в плановый отдел, на службу. И вновь, как прежде, он завоевывает вершины западных танцев. И вновь, как прежде, он, кроме многозвучного ресторанного меню, ничего не читает.

Однако за последнее время Паша прослыл среди своих наиболее неприхотливых знакомых начитанным молодым человеком.

На вечеринке у Свекольниковых случайно зашел разговор о преимуществах груши дюшес перед антоновским яблоком. Паша вмешался в разговор.

— Замечательные фрукты не здесь, а там... На склонах гор солнечной Грузии. Кто хоть раз там бывал, никогда не забудет. Как хорошо об этом сказано у Лермонтова:

«Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток
Томим неясною тоской
По стороне своей родной...»

— Как интересно! — захлебываясь от восторга, пролепетала одна рыжеватая девица. — Вы много раз бывали в Грузии?

Паша, конечно, улыбнулся и ответил стихами:

«Он на вопрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял,
И близок стал его конец...»

Ах, какой интересный этот Павел

Сандалов! Очень загадочная натура, не правда ли? Какое знание классической литературы!

Слава Паши росла с каждым днем.

— Вы очень любите поэзию? — спрашивали его. — Вы, надо полагать, так много читали?

— Да, — отвечал он. — Это моя страсть. Особенно Лермонтов. Помните «Мцыри», вот это место:

«Я знал одной лишь думы власть
Одну — но пламенную страсть.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской...»

Полдюжиной цитат из «Мцыри» Паша прокладывал себе путь к популярности. Глядел я иногда на него и невольно думал: «Вылитый литературный критик!»

Но однажды я решил серьезно поговорить с Пашей. Убеждать его, стыдить, знаю, — не поможет. Не такой Паша человек.

И вот встречаю я его недавно в буфете. Паша бросил бутерброд с семгой и сразу надел на меня стихами.

— Паша, — спросил я ласково, — а что такое «Мцыри»?

Он посмотрел на меня испуганными глазами, хотел что-то сказать.

— Не беспокойся, Паша. Никому не скажу. Знаю, что ты не знаешь. Приходи сегодня вечером к Сиделкиным. Там будет поэт Лермонтов. Это их двоюродный брат. Я тебя познакомлю. Вот он тебе все и объяснит. Он человек простой, негордый.

Паша пришел к Сиделкиным. Было много народу, знакомых и незнакомых. Я отвел его в сторону и, указав на какого-то лысого дядю с подстриженной бородкой, сказал:

— Вот, как говорится, бессмертный автор «Мцыри».

— Познакомь!

Я подвел Пашу к лысому дяде и этак деликатно выразился:

— Будьте знакомы!

— Михаил Юрьевич! — воскликнул Паша. — Товарищ Лермонтов! Я ваш горячий поклонник. Я никогда не забуду ваши пламенные строки:

«И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой...»

Лысый дядя вскочил со страху с места. И как не испугаться? Все ахнули от удивления. И только потом, когда узнали, в чем дело, здорово смеялись. Паша стремглав бежал из этого дома. С тех пор мы с ним не встречаемся. Ходят такие непроверенные слухи, что он оставил в покое «Мцыри».

Смешной человек, доложу я вам!

О Д Н О К О Д Н О М У

Рис. Л. Генча

— Между обедом за семь рублей и за четыре рубля — в чем разница?

— В трех рублях только и разница...

Г. РЫКЛИН

КАСТИЛЬСКИЕ РЫЦАРИ: — Женщины, вперед!!!

— За три года, знаете, это двадцатый случай... Кабы не управдом, погибать нам всем...

СУКОННЫЙ ЯЗЫК

С товарищем Сугубовым С. К. впервые я встретился в 1919 году; я тогда поступил на работу в союз потребительских обществ. Когда я первый раз явился на службу, Сугубов С. К., значительно выше меня стоявший на служебной лестнице, сидел за присвоенным ему столом и, сладострастно кряхтя, что-то писал в течение четырех часов кряду.

После обеденного перерыва Сугубов поправил на носу пенсне и высокомерно обратился к машинистке:

— Что вы печатаете?

— Отношение... — отозвалась машинистка. — Владимир Георгиевич дал...

— Выньте отношение, — распорядился Сугубов, — потом допечатаете. Сейчас я сам подиктую вам...

И с этими словами он направился к столу машинистки, держа в руках пачку исписанных листов.

Машинистка с покорным вздохом протрещала регулятором. Неоконченное отношение быстро-быстро вылезло назад из валика и сиротливо упало сзади машинки.

— Так. Мне нужно, значит, в 16 экземплярах. Заправляйте. Готово?.. Пишите прописными и в разрядку:

«Докладная записка». Так. Теперь с абзаца идет текст.

Голос Сугубова обрел какие-то умиленные нотки, и на лице вновь появилось давешнее сладострастие. Он диктовал, умышленно кряхтя:

«Согласно имеющимся распоряжениям запятая указывающим точные нормы запятая должны быть придерживаемыми запятая а также регулирующими взаимоотношения с вышестоящими организациями запятая ставящими себе целью происходящую ныне дезориентацию запятая дезориентирующую дисциплинирующие факторы...»

Тут меня позвал непосредственный мой начальник, и потому я не слышал диктовки Сугубова в течение получаса. Когда же я вновь прислушался к его голосу, диктовались такие слова:

«...охватывающие все посредствующие и соподчиняющиеся пункты запятая регистрирующими озабочивающие нас...»

— Товарищ Сугубов, — робко сказала машинистка. — А когда же будет точка?

— Точки не будет. Пишите. Точка будет завтра, когда я допишу вторую половину этой докладной записки. Пи-

шите: «...озабочивающие нас встречающиеся противоборствующие течения запятая представляющие собою...» Написали? «...собою устаревающие формы запятая воплощающиеся...»

Лично я недолго укреплял своей персоне аппарат потребительской кооперации. Через некоторое время после моего ухода со службы я встретил на бульваре Сугубова и принялся задавать ему вопросы, обычные при свидании с бывшим сослуживцем:

— Ну, как у вас в потребительском союзе? Все попрежнему? Владимир Георгиевич что подельывает? Машинистка Спорова?

— Понятия не имею, — небрежно ответил Сугубов. — Я уже давно там не работаю...

— Что так?

— Неинтересно. Простору нет в работе. Отклика не чувствуешь.

— То есть? — заинтересовался я.

Сугубов проникновенно начал:

— Ну, вот вы меня знаете, знаете, что я могу, какие у меня задатки... Ну, я написал одну докладную записку, ну, другую... Прочитали их разные председатели да заведующие и... под сукно...

На лице Сугубова появилось самолюбивое выражение, умеряемое, впрочем, скромностью артиста. Он сказал:

— Нет, брат. Уж если писать, так писать, — для масс... Вот, не угодно ли, мое творчество...

И, обернувшись к газону, Сугубов щелкнул пальцами по жестяной доске, прибитой к дереву. На доске черными буквами по зеленому фону было написано:

«О поведении на бульварах и в скверах.

Лица, ходящие по траве, вырастающей за отделяющей решеткой, ломающейся и вырывающейся гражданами, а также толкающиеся, пристающие к гуляющим, бросающие в пользующихся произрастающими растениями, подставляющие ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющих, едущие на велосипедах, вводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающиеся цветы и засоряющиеся являются штрафующимися».

Сугубов вслед за мною шопотом читал все объявление, и знакомое мне кряхтение сопровождало его шопот...

Следующая — правда, заочная — моя встреча с Сугубовым произошла через много лет. Я читал специальную газету, посвященную вопросам искусства. Какого искусства, не скажу. Пусть каждый думает, что хочет. Может быть, это было издание, трактующее вопросы кино, а может быть, театра, или живописи, или литературы...

Словом, на видном месте в газете этой была помещена статья, которая начиналась так:

«Художник, остро чувствующий, осмысливающий и выражающий громадную, зовущую, поднимающую и кипящую современность только зажи-

НА СУШЕ И НА МОРЕ

МОЛЕБЕН УБИЙЦ

В ГОСТЯХ У ХОЗЯИНА

Не имея вследствие преклонных своих лет возможности принимать непосредственное участие в физическом уничтожении лучших сынов испанского народа, кардинал Илундеи, архиепископ севильский, возносит свои сладчайшие молитвы надлежащим инстанциям, при освящении знамени, врученного генералом Франко вновь сформированному полку фашистских убийц.

Вызванный этим молебном истинно испанский национальный подъем среди марокканских стрелков, русских белогвардейцев из иностранного легиона, германских и итальянских фашистских летчиков не поддается описанию.

Рас Бугса, первый абиссинский вождь, переметнувшийся на сторону Италии, участвует в качестве гостя итальянского правительства в торжественном параде 25 000 молодых фашистов по случаю закрепощения его родины. Здесь, под Римом, рас чувствует себя не в пример веселее, нежели на проданной и преданной им родине, где не только ему, но и его новым хозяевам страшно от постоянных набегов мужественных абиссинских партизан.

НЕ НАДЕЖНЫЙ КОНВЕЙЕР

В середине сентября сорок пять тысяч бывших фронтовиков организовали в Лурде (Франция) демонстрацию за внутренний и внешний мир Франции. В ночь, предшествующую этой демонстрации, закончившейся торжественной мессой, ее участники коллективно исповедывались в своих грехах. Четыреста пятьдесят три монаха знаменитого лурдского монастыря организовано, конвейером, как это видно из приводимой фотографии, провели эту исповедь.

Наивные бывшие фронтовики раз'ехались по домам, уверенные,

что этот исповедальный конвейер сделал свое дело, основательно предотвратив опасность войны. Однако не менее слаженные и значительно более многочисленные конвейеры германских оружейных и военных заводов работают по благословению той же святой римско-католической, а также и лютеранской церкви на прямо противоположные цели. Есть серьезные опасения, что германские конвейеры придут к финишу раньше.

гающими, обобщающими, запоминающимися и волнующими образами, опалющими, подымающими, украшающими его замысел, облекающий в подкупающие, охватывающие, все проникающие формы, то остро чувствующее, осмысливающее и выражающее громящую, зовущую, подымающую и кипящую...»

До точки нельзя было прорваться никак.

— Сугубов! — вскричал я. — Вот кто теперь пишет об искусстве...

И точно: под статьей значилось «К. С. Сугубов».

Недавно я опять встретил Сугубова. Он шел, неся в руках свернутый труб-

кой картон. Мы остановились и пожали друг другу руки.

— Где вы теперь? — спросил я.

Вместо ответа Сугубов с треском развернул картон. Это был рекламный плакат с изображением повара (как известно, дальше изображения повара наши рекламодатели не идут). Повар на плакате был обложен следующим текстом:

«Гражданам, желающим иметь восхищающий и питающий суп, рекомендуемый специально изучающим этот вопрос учеными, считающимися, что наш суп № 718/Ш-44, являющийся укрепляющим и облегчающим...» и так далее.

— Рекламу пишете? — спросил я Сугубова.

Он утвердительно кивнул головой и стал рассказывать о своих успехах...

Вскоре мы расстались, но я долго еще думал о том, как много места занимают у нас Сугубов и его сотоварищи по ордену суконного языка и как была бы облегчена жизнь в стране, если бы вышел закон, запрещающий Сугубовым пользоваться своим дарованием где бы то ни было, кроме их частной переписки. Закон, запрещающий, карающий и строго разделяющий...

Тьфу, чорт!..

В. АРДОВ

Коротко о „третьей империи“.

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я послал в «Совхозную газету» заметку о том, как мы боролись с хлебным жуком кузькой, который причинил много бед полям совхоза Сталинского завода имени Сталина. Думаю, что эта заметка была бы интересна для многих работников сельского хозяйства. «Совхозная газета» переслала мою заметку в газету «За индустриализацию», не разобравшись, в чем дело, из нелепо ведомственных соображений.

Оттуда заметка двинулась в дирекцию завода имени Сталина. Директор завода направил ее директору нашего совхоза. Директор совхоза переслал старшему агроному, а старший агроном — мне — автору. При этом все писали: «Направляется для принятия мер». Я думаю пустить заметку снова в «Совхозную газету» и таким образом разрешить проблему вечного бюрократического движения на радость хлебному жуку кузьке и его союзникам — чиновникам из газетных и заводских аппаратов.

Агроном И. БАБАК
Совхоз «Металлург», Донбасс.

Уважаемый Крокодил!

Поэт сказал про птичку, что она «хлопотливо не свивает долготетного гнезда». Мы, инженеры, рабочие и служащие завода Пластмасс имени Баранова, хотя и не птички, но тоже не «свиваем долговечного гнезда». Рады бы свить, да директор завода Блюде не менее 2—3 раз в год по весьма туманным соображениям в административном порядке то и дело переселяет нас из одного дома в другой.

Только начнешь «вить гнез-

до», как тебя настигает приказ о переселении. Приводит это к тому, что уже многие работники завода перепорхнули на другую работу, где рабочих и служащих не приравнивают к пернатым и относятся к ним по-человечески.

ЦЕДЕРБАУМ

ст. Столбовая,
Ленинской ж. д.

Дорогой Крокодил!

В теоретической шахматной литературе по сей день идут горячие споры, какая фигура ценнее: слон или конь. Если перенестись из области теоретических споров в сферу товаропроводящей сети, можно категорически заявить, что ценность обеих фигур одинакова и колеблется от 12 рублей и выше. В самом деле, попробуй только потерять коня, слона или любую другую фигуру в дороге или дома, и приходится покупать заново весь комплект шахматных фигур. Врозь они не продаются.

Дорогой Крокодил! Теперь уже можно купить любую запасную часть к трактору, автомобилю и другим сложным машинам. Неужели нельзя организовать снабжение шахматистов запасными шахматными фигурами? Неужели нужно специально ставить вопрос о создании наподобие Ватозапчасти аналогичной ей по целям «Шахзапчасти»?

Н. ПЕТРЕНКО.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Раз'ясни, пожалуйста, кто отвечает за грамматику в районном масштабе. До последнего времени мы думали, что руководящие отделы районного отдела народного образования. Однако жестокая действительность расшатала нашу веру и знания грамматики руководителями этого учреждения, призванного насаждать просвещение в нашем Шегарском районе. Произошло это при следующих драматических обстоятельствах.

При тарификации телеграмм возник на нашем телеграфе спор из-за слов «в нем», как эти слова писать: врозь или вместе? После долгих споров решили обратиться к заведующему райОНО тов. Старикову. Позвонил ему по телефону бухгалтер телеграфа, и тов. Стариков, малость поколебавшись, заявил: «Я сам в грамматике не особенно силен».

Затем снова помолчал и ответил: «В» пишется отдельно». Радостный бухгалтер, торжествующий по поводу своей победы, сообщил нам авторитетное раз'яснение заведующего райОНО. Но тут выступил наш телеграфист с сенсационным заявлением. Оказывается, он тоже звонил тов. Старикову, и тот ему сказал: «Чорт его знает, как это пишется. Наверное, «в» пишется вместе». Тогда мы решили обратиться к тов. Колесникову, инструктору школы для взрослых. Тот подумал и сказал: «В нем?» Если это — наречие, то пишется вместе. Я всегда в таких случаях ставлю вопрос: «В нем» — как? Значит «в» пишется вместе».

И вот теперь мы, дорогой Крокодил, не знаем, как же все-таки пишутся слова «в нем»: врозь или вместе, — и обращаемся к тебе, так как верховный штаб просвещения в нашем районе в лице руководящих работников райОНО спасовал перед этой титанической проблемой.

Бухгалтер АНДРЕЕВА.

Село Шегарское,
Западносибирский край.

Дорогой Крокодил!

Я очень люблю Гоголя. Не только за его юмор и язык, но и за жизненность его сюжетов. Взять даже такой фантастический рассказ, как «Пропавшая грамота». Разве в наше время мало пропадает при таинственных обстоятельствах разных грамот? У меня у самого вот уже четыре года пропадает почетная грамота, которой я был в 1932 году награжден наркомпросом Украины за хорошую творческую и общественную работу в Театре русской драмы «Шахтерка Донбасса».

Уже и театр наш давно из передвижного стал стационарным, и сам я переехал в Брянск, и ЦК Рабиса раза четыре писал в наркомпрос Украины насчет наших грамот — ничего не помогает. Грамоту для меня и моих товарищей никак не могут изготовить «по техническим причинам». Как тут не поверить в нечистую бюрократическую силу, орудующую в канцеляриях наркомпроса Украины?!

Артист И. ТЯК

Брянск.

ИГРА В ГОРЕЛКИ

Периферийная жительница Н. С. Смирнова из села Балахта, Красноярского края, крайне нуждалась в остро дефицитной горелке для керосиновой лампы. Недоброжелатели посоветовали ей выписать горелку через Иркутский посылторг, заманчивое объявление коего украшало последние полосы многих сибирских газет. Доверчивая Смирнова так и сделала.

Через короткое время расторопный посылторг выполнил заказ жительницы. Только он почему-то прислал Н. С. Смирновой не горелку для лампы, а грубошерстные мужские носки с двойной пяткой.

Мы не можем установить трансцендентальную связь между мужскими носками и горелкой для лампы, ибо не обладаем бредовым воображением работников Иркутского посылторга. Но нам хочется дать Н. С. Смирновой добрый, товарищеский совет. Пусть она выпишет себе еще одну пару мужских носок, и тогда четкий посылторг, наверное, пришлет ей вместо шерстяных карпеток долгожданную горелку.

Больше оптимизма и находчивости, Н. С. Смирнова!

ПОШЛЯК ВЕСЕЛИТСЯ

Захлебываясь от сарказма и демонического смеха, некий Иван Павлович Пустовалов, проживающий в Семилуках, Воронежской области, пришел на местную почту и отправил заказное письмо по адресу:

«Станция Венера,
Атмосферского района,
дом отдыха имени Марса,
Козерогову Меркурию Нептуновичу».

Получив через некоторое время свое письмо обратно вследствие нахождения адресата, этот некий Пустовалов Иван Павлович, на этот раз переполненный гражданской скорбью и негодованием, пишет в Крокодиль патетическое письмо, в каковом восклицает:

«Вот до чего кадры решают все в Семилукском райотделе. Принимают куда-то либо небыло во всюду есть сообщение, даже и с планетами. Вот почему часто хромает Семилукская почта, пропадает корреспонденция посылки из-за плохих кадров».

Скажем прямо, на семилукской почте сидят не особенно грамотные люди. Они, к сожалению, не более грамотны чем Иван Павлович Пустовалов. Что же касается причин, по которым хромает эта почта, то некоторую часть их нужно отнести за счет развеселых хулиганов типа гражданина Пустовалова, мешающих своими неумными выходками налаживанию работы связи.

ЧУДЕСНАЯ БАРАНИНА

Существует ли разница между тушеной бараниной и бараниной тушеной? В поисках ответа на этот наболевший вопрос нами были опрошены ветераны кулинарного искусства и закаленные в посещениях ресторанов любители баранины. Все они категорически отрицали какую-нибудь разницу между этими двумя названиями. Тогда им было предложено меню на 10 сентября с. г. столовой станции Рыбное, Ленинской железной дороги, в котором блюдом за № 7 значится баранина тушеная—1 р. 75 к., а за № 11 числится тушеная баранина—1 р. 86 к.

По зрелом размышлении опрошенные нами специалисты пришли к единогласному заключению, что разницу в калькуляции одного и того же блюда, равняющуюся 11 копейкам, нужно отнести за счет особых свойств заведующего столовой станции Рыбное и его бухгалтера, имеваемых в просторечии головоотяпами. Баранина здесь не при чем.

ОТГРУЗКИ ГРАЖДАНИНА МАЦКИНА

В нашей стране растут чудесные дети. Они строят свои детские железные дороги, мастерят авиомодели, покрывающие мировые рекорды, сооружают крохотные, умещающиеся в наперстке электрические машины, и т. д., и т. п. Не следует все же переоценивать детских возможностей. А то Мацкин, директор Челябинского отделения Канцторга, решив, что дети — они все могут, отгрузил на 5502 учащихся Ялано-Катайского района 300 штук перьев. Дети, думал, наверное, восторженные Мацкин, как-нибудь устроятся. Они такне.

Передают, что учащиеся Ялано-Катайского района хотели было написать кому следует жалобу на доброго дядю Мацкина, но хитрый Мацкин в предвидении этого не заслал в этот район ни одной ручки и ни одной чернильницы. Так что пока он спокоен за свое теплое, ни к чему не обязывающее местечко.

НЕПРЕДУСМОТРЕННОЕ ПРАВО

Карагандинский областной комитет союза Медсантруд прислал в арыкбалыкский местком союза Медсантруд разъяснение, начинающееся следующей фразой:

«Сообщаю, согласно КЗОТ все работники пользуются очередным ежемесячным отпуском не менее двух недель».

Нуужели карагандинские медики добились уже неслыханного даже в нашей стране ежемесячного двухнедельного отпуска?

Нам кажется, что в данном случае обком Медсантруд в своей борьбе за право членов его союза на отдых хочет явочным порядком утвердить свое право на безграмотность, что нашей Конституцией никак не предусмотрено.

РЕДКИЕ СПОСОБНОСТИ

Аттестаты лучших отличников учебы гускают перед скромным документом, выданным Б. Грызловской (Серпуховской район, Моск. обл.) начальной школой гражданке Н. С. Сисякиной:

«Предъятельница сего Надежда Сергеевна Сисякина, родившаяся в 1935 году, поступила в школу в 1935 году и окончила ее в 1935 году».

Сам по себе достойный всяческого удивления, факт поступления в школу ребенка, только что родившегося, и окончания им в течение этого же года начальной школы еще более усугубляется тем, что документ этот помечен 1933 годом. Если это не редчайший случай предвидения феноменальных способностей еще не родившегося ребенка, то, во всяком случае, мы, безусловно, имеем здесь дело с редчайшим случаем головоотяства и феноменальной безответственности заведывавшей тогда этой школой гражданки Пятикрестовской.

С интересом ждем сообщений о ее достижениях в этой области.

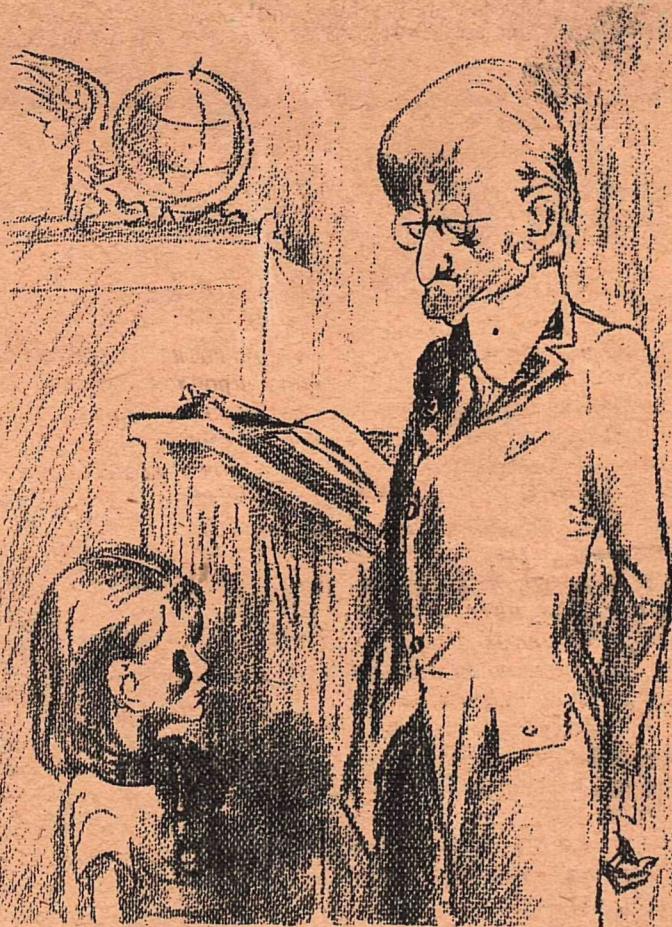
ЧЕМ КРЫТЬ?

Из новостей строительной техники следовало бы обратить внимание на опубликованную в газете «Городецкая правда» (Городецкий район, Горьковского край) заметку «К выставке готовятся все бригады». В ней сказано:

«Из кирпичей своего производства в колхозе уже покрыто пожарное депо».

Таким образом, впервые в истории существования строительной техники крыши начали покрывать кирпичом. И увы, далеко не впервые в практике «Городецкой правды» газета ввела в заблуждение своего читателя. Совершенно ясно, что речь идет о черепице, а не о кирпиче и что покروют крышу кирпичом по той самой причине, по которой, нужно надеяться, редактора «Городецкой правды» Осипова покроют на ближайшем заседании районного комитета партии.

Рис. Л. Соифертиса

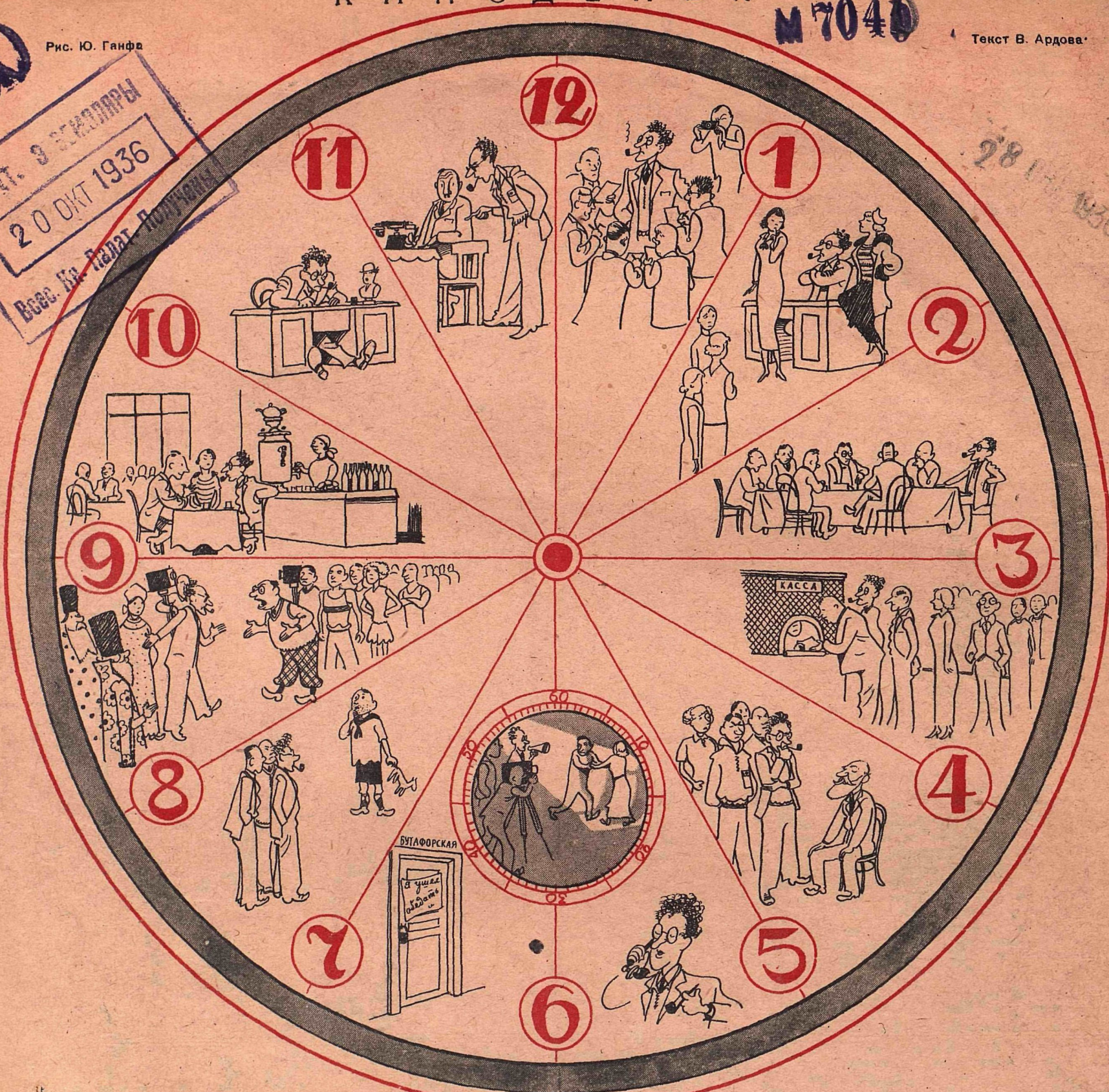
— Летом жарко. Так... Осенью дожди идут. А зимой что бывает?
— Голод, пан учитель.

Рис. Ю. Ганфа

50

Общ. Р. Секретарь
20 ОКТ 1936
Всех. М. Р. Р. Р. Р.

28 1936

Читателям интересно будет познакомиться с тем, как работает такое необычное и пленительное предприятие, каким является кинофабрика. Поэтому мы помещаем рисунок художника Ю. Ганфа. В рисунке изображен труд некоего кинорежиссера, отображен подробно и точно. Каждый час деятельности режиссера воспроизведен отдельно, с любовным проникновением в дух его творчества.

Найдите на циферблате цифру 9. В этот час курчавый гений киноискусства является на фабрику. Прямо из гардероба он идет в буфет и здесь под ласковое шипение самовара, газированных вод и буфетчицы обменивается с товарищами по работе сплетнями на тему о том, у кого сорван план с'юмок, кому предложено переделывать сценарий и кто является автором фильма, положенного на полку.

Но — чу! — часы бьют 10, и наш кинорежиссер сидит за столом в своем творческом кабинете. Он явно охвачен вдохновением: пишет, перечеркивает, пишет снова, в волнении трет лоб. Что ж он пишет? Режиссерский сценарий? Нет. Скорее всего, он пишет руководству фабрики просьбу о снятии с работы его сорежиссера, ассистента, а заодно уж и звукооператора. Что делать? Не сработались. Склока, как говорится, в разгаре.

11 часов. Не удовлетворяясь написанным, наш режиссер лично капает директору кинофабрики на своих коллаборантов. Так-то вернее.

12 часов. Нагрянувшие представители печати берут интервью у нашего режиссера. Они берут, а он дает. Отчего же и не дать интервью? Реклама есть двигатель искусства.

Час дня. Выбор актрисы на главную роль. То есть, собственно говоря, выбор уже сделан: играть будет супруга режиссера. Но чтобы это не носило характер семейственности и кумовства, предварительно режиссер просматривает 70—80 посторонних гражданок. Супруга режиссера хотя и знает, что роль отдана ей, поневоле несколько тревожится и потому на всякий случай сидит на его столе в позе амазонки.

2 часа. Заседание насчет рационализации и удешевления производства. Многочисленные члены киногоруппы нашего режиссера бродят по фабрике без дела, но на законном основании: их шеф заседает.

От 3 до 4-х режиссер стоит в очереди к кассе: выдают жалованье. Это, знаете, — дело серьезное.

В 4 часа режиссер обследует состояние бороды у гражданина, который отпустил таковую специально для с'юмок. Общее мнение: борода маловата, пусть подрастет, с'юмки для этого можно отложить.

В 5 часов режиссер взялся за телефонную трубку: надо было поставить в известность о делах своего покровителя — сановника из ГУКФ (Главное управление кинофотопромышленности).

В 6 часов режиссер совсем уж было надумал снимать, но выяснилось, что бутафорская закрыта, а помреж забыл накануне получить оттуда необходимые для с'юмок пулеметы и фату для невесты.

7 часов. Новое грозное препятствие выросло на творческом пути режиссера: ребенок, которого снимали в начале картины, за истекшее время так вырос, что если даже его и побрить чисто-начисто, все равно он уже не будет производить впечатление младенца или (чорт уж с ним!) отрока.

В 8 часов режиссер со всеми своими соратниками двинулся в павильон. Но, оказывается, заведующий производством фабрики напугал в свою очередь, и павильон уже занят другой с'юмочной группой. Небольшая перебранка, и наш режиссер отступает, во-первых, потому, что после ругани он чувствует отлив творческого вдохновения, а во-вторых, потому, что та группа обладает численным перевесом. И режиссер уходит домой.

— Позвольте, — спросит читатель, — а когда же он работает, ваш режиссер?

— Для этого, — отвечаем мы, — на рисунке означен циферблат секундной стрелки. Видите? Вот это — время, которое режиссер проводит в работе, т. е. на киносъемке. Но, конечно, это бывает не каждый день, а, так сказать, в более удачные сутки. Таков быт кинофабрики на сегодняшний день.